

же мы въ правѣ отойти отъ нея въ сторону и предоставить ея переустройство какому-то «спеціалистамъ» несарева дѣла. Не ясно-ли, что нѣтъ, не ясно-ли, что проблема политическаго и государственнаго устройства Россіи сейчасъ для всякаго русскаго человека величайшая національная и религіозная проблема, которую должны рѣшать не одни профессионалы-политики, а все русскіе люди и прежде всего тѣ, что на опытѣ послѣднихъ лѣтъ пришли къ раздѣляемому и Франкомъ убѣжденію, что все относительное можетъ быть прочно построено, только на основѣ абсолютной жизни въ Богѣ.

Ф. Степунъ.

Проф. Е. И. Тарасовъ. *Декабристъ Николай Ивановичъ Тургеневъ въ Александровскую эпоху. Очеркъ по исторіи либеральнаго движенія въ Россіи.* Самара. Изданіе Самарскаго Государственнаго Университета. 452 стр.

Имя Николая Тургенева хорошо извѣстно русской читающей публикѣ. Во всеѣхъ общихъ трудахъ по исторіи общественныхъ движеній въ Россіи Николаю Тургеневу отводилось болѣе или менѣе значительное мѣсто. Появлялись и спеціальныя очерки, посвященные жизни и дѣятельности Николаю Тургеневу, изъ которыхъ наибольшую цѣнность имѣютъ очеркъ А. Корнилова и нѣкоторыя статьи г. Вишницера. Многія замѣтки и статьи самаго Н. Тургенева были напечатаны въ нашихъ историческихъ журналахъ въ разное время. Однако старая литература о Тургеневѣ стала нуждаться въ пересмотрѣ и дополненіи послѣ того, какъ въ Академію Наукъ поступилъ обширный новый матеріалъ въ видѣ дневниковъ, переписки и разнаго рода бумагъ Тургенева изъ Тургеневского семейнаго архива. Въ своей книгѣ «Политическія и общественныя идеи декабристовъ» В. И. Семевскій уже воспользовался значительною частью только что упомянутаго рукописнаго матеріала. Теперь Е. И. Тарасовъ предпринялъ обширную біографію Н. Тургенева на основаніи всей совокупности печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ, до насъ дошедшихъ.

Николай Тургеневъ слишкомъ крупная и характерная фигура въ исторіи нашего общественнаго развитія, и потому предпріятіе Е. И. Тарасова можно привѣтствовать. Пока Е. И. Тарасовъ выпустилъ первый томъ своего труда, обнимающій жизнь Николая Тургенева за время царствованія Александра I. Авторъ отнесся къ выполненію своей задачи съ большою добросовѣстностью. Шагъ за шагомъ, изъ года въ годъ, подробно и пунктуально прослѣживаетъ онъ жизнь своего героя, тщательно свѣряя данныя прежнихъ біографовъ съ показаніями дневниковъ самаго Тургенева, внося многія поправки и дополненія въ прежнія наши свѣдѣнія о Тургеневѣ и не скупясь на обширные экскурсы въ разныя направленія для уясненія той жизненной обстановки и тѣхъ идейныхъ вліяній, среди которыхъ развивался,

жилъ и работалъ Николай Тургеневъ. Тщательность и усердіе, съ какими Е. И. Тарасовъ выполнялъ свой трудъ, придаютъ его книгѣ не малую цѣнность и дѣлаютъ ее необходимымъ пособиемъ для всѣхъ будущихъ изслѣдованій умственной жизни русскаго общества въ началѣ XIX столѣтія.

Къ сожалѣнію, изложеніе Е. И. Тарасова грѣшитъ тяжеловѣсностью, существенное переплетается у него съ второстепеннымъ, повѣствованіе выдерживается въ строго хронологическомъ порядкѣ, вслѣдствіе чего однородныя черты разбиваются по разнымъ мѣстамъ и не собираются воедино въ общую законченную характеристику, это затрудняетъ чтеніе книги и скрадываетъ отъ читателя тѣ обобщающіе итоги, которые авторъ не умѣетъ достаточно ярко очертить, собрать въ одинъ фокусъ и явственно формулировать.

Въ предисловіи авторъ увѣдомляетъ, что ему пришлось сдѣлать рядъ открытій, кореннымъ образомъ измѣняющихъ распространеныя ранѣе взгляды. Намъ думается, что авторъ преувеличиваетъ эту свою заслугу. По словамъ автора его «открытія» состоятъ въ установленіи новаго взгляда на московскій университетскій благородный пансіонъ, въ которомъ воспитывался Н. Тургеневъ; въ опредѣленіи происхожденія книги Тургенева «Опытъ теоріи налоговъ» и въ разъясненіи существа либеральнаго движенія въ Россіи въ первой четверти XIX столѣтія, неясности и противорѣчія котораго остались непонятными ни Котинымъ, ни Семеновскимъ, ни прочими писателями, касавшимися этой эпохи. Читателя, заинтересованнаго этимъ предувѣдомленіемъ автора, постигаетъ разочарованіе. Авторъ не согласенъ съ тѣми писателями, которые превозносили порядки московскаго благороднаго пансіона, и вопреки имъ считаетъ, что дѣло въ названномъ учебномъ заведеніи было поставлено очень плохо. Но вѣдь точно такую же отрицательную оцѣнку пансіона давалъ еще Тихонравовъ, котораго самъ же Е. И. Тарасовъ и цитируетъ. Такъ гдѣ-же тутъ «открытіе»? Колумбомъ-то оказывается не Тарасовъ, а Тихонравовъ. Разбирая книгу Н. Тургенева «Опытъ теоріи налоговъ», произведшую въ свое время большой шумъ намеками на необходимость отмѣны крѣпостнаго права, Е. И. Тарасовъ настаиваетъ на тѣсной зависимости содержанія этой книги отъ университетскихъ лекцій геттингенскаго профессора Сарторіуса, котораго Н. Тургеневъ слушалъ въ студенческіе годы. Всѣ основныя идеи своей книги Тургеневъ взялъ у Сарторіуса, чѣмъ и объясняется та эрудиція, которая казалась многимъ изслѣдователямъ необычайной для Тургенева и которая была цѣлкомъ заимствованной имъ у Сарторіуса. Е. И. Тарасовъ пришелъ къ этому выводу, сличивъ книгу Тургенева съ неизданнымъ курсомъ Сарторіуса. Это сличеніе нужно признать несомнѣнной заслугой Е. И. Тарасова, но все же приходится пожалѣть о томъ, что нашъ авторъ не далъ систематическаго сопоставленія книги Тургенева съ курсомъ Сарторіуса, а ограни-

числѣ нѣсколькими отдѣльными примѣрами. Такимъ образомъ, размѣры и существо вліянія курса Сарторіуса на книгу Тургенева все же остаются еще невыясненными. Наконецъ, третье обѣщаніе — пролить новый свѣтъ на либеральное движеніе Александровскаго времени — остаться безъ всякаго выполненія, ибо нельзя считать такимъ «продолженіемъ новаго свѣта» нѣсколько сочувственныхъ ссылокъ Е. И. Тарасова на статьи М. Покровскаго и Левина, въ которыхъ декабристамъ учиненъ, какъ извѣстно, яростный разносъ за то, что они не были пролетаріями и марксистами.

Итакъ, не въ «открытіяхъ» главное значеніе работы Е. И. Тарасова, а въ тщательномъ изложеніи фактическаго матеріала, относящагося до біографіи Н. Тургенева. Сужденія общаго характера мало удаются нашему автору. Но распутывая различныя противорѣчія и неясности въ показаніяхъ фактическаго свойства, онъ оказывается въ своей сферѣ. И потому онъ сдѣлалъ весьма полезное дѣло, занявшись подробнымъ анализомъ темнаго вопроса и размѣрахъ и характерѣ участія Н. Тургенева въ тайныхъ обществахъ. Е. И. Тарасовъ наивно называетъ этотъ вопросъ: «самымъ запутаннымъ вопросомъ русской исторіи». Что говорить: есть въ русской исторіи вопросы и послужиле и запутаннѣе. Но дѣйствительно этотъ моментъ въ біографіи Тургенева весьма туманенъ. Самъ Тургеневъ составилъ цѣлый рядъ оправдательныхъ записокъ, въ которыхъ подвергъ рѣзкой критикѣ обвиненія, предъявленныя ему въ «Донесеніи слѣдственной комиссіи» по дѣлу декабристовъ. Кто же былъ ближе къ истинѣ: авторъ Донесенія (Блудовъ), рисовавшій Тургенева опаснѣйшимъ заговорщикомъ, или самъ Тургеневъ, сводившій къ минимуму свое участіе въ тайныхъ обществахъ и попутно старавшійся доказать, что и сами эти общества были лишены сколько нибудь серьезной организованности и активности? Заслугой Тарасова надо признать тщательный критическій анализъ всѣхъ оправдательныхъ записокъ Тургенева, выясненіе исторіи ихъ составленія и сопоставленіе ихъ съ «Донесеніемъ» и съ показаніями прѣчихъ декабристовъ. На повѣрку истина, какъ и въ большинствѣ случаевъ, оказывается по серединѣ. Если «Донесеніе» кое въ чемъ неосновательно накледало на Тургенева, то и Тургеневъ въ своихъ запискахъ кое что сознательно затушевываетъ, а кое-что и сознательно извратилъ, такъ что для исторіи тайныхъ обществъ необходимо съ крайней осторожностью пользоваться какъ «Донесеніемъ», такъ и записками Тургенева. Таковъ выводъ Е. И. Тарасова. И въ этомъ случаѣ Е. И. Тарасовъ не открываетъ Америки, но за нимъ все же остается заслуга тщательнаго критическаго обоснованія этого вывода, изъ которому въ сущности сложились и прежніе изслѣдователи.

Наименѣе удачно прослѣжена у Е. И. Тарасова эволюція міросозерцанія Н. Тургенева. Эта задача, видимо, не соответствуетъ изслѣдовательской манерѣ автора. Воссоздать въ живомъ и гнѣлостномъ изображеніи духовную личность Н. Тургенева —

ему не по силамъ. Онъ можетъ только собрать матеріалы для выполненія этой задачи. И было бы очень желательно, чтобы, продолжая свой трудъ, онъ именно такъ и взглянулъ бы на предстоящую ему работу.

А. Кизеветтеръ

Анналы. Журналъ всеобщей исторіи, издаваемый Россійскою Академіей Наукъ подъ редакціей акад. Ф. И. Успенскаго и проф. Е. В. Тарле. Издательство «Петроградъ». 1924 г. стр. 336.

Содержаніе этой интересно составленной книги весьма разнообразно. Здѣсь 16 статей, касающихся различныхъ вопросовъ всеобщей исторіи, изъ которыхъ нѣкоторыя уведутъ насъ въ слубъ отдаленнѣйшаго прошлаго («Гутанхамонъ и послѣднія открытія въ долину Нила»), инія затрогиваютъ различные моменты средне-вѣковья («Трапезунтская имперія» Ф. И. Успенскаго), рядъ статей вплотную подходитъ къ современности («Самооправданія Людендорфа», «Мемуары Извольскаго», «Вокругъ германскаго разгрома», «За кулисами французскаго штаба въ эпоху міровой войны», «Промышленный магнатъ новѣйшей Германіи — по поводу смерти Гуго Стиннеса»); четыре статьи посвящены исторіи Франціи: М. А. Буковецкая даетъ очеркъ разложенія королевской арміи въ первые годы французской революціи (зудъ что ни строка, то параллель съ нашими событіями періода приказа № 1), С. М. Данинъ пишетъ объ экономической политикѣ французскаго правительства при старомъ режимѣ; Т. А. Богдановичъ даетъ въ высшей степени интересныя выписки изъ бумагъ Кочубея о французской революціи; Е. В. Тарле въ очень многословной статьѣ, изобилующей полутными вставками и побочными экскурсами, сопоставляетъ три момента изъ внѣшней исторіи Франціи, въ которыхъ выразилось стремленіе Франціи къ завладѣнію Рейномъ, какъ къ исходной точкѣ установленія французской гегемоніи надъ континентальной Европой: основная мысль статьи сводится къ тому, что Клемансо и Пуанкаре *mutatis mutandis* продолжаютъ старыя традиціи Людовика XIV и Наполеона.

Второй отдѣлъ книги состоитъ изъ трехъ некрологическихъ статей (С. Ф. Платоновъ пишетъ объ Иконниковѣ, Ф. И. Успенскій о Ягичѣ и О. А. Добіашъ-Рождественская о Лависсѣ), третій весьма обильный отдѣлъ посвященъ критикѣ и библиографіи и четвертый — научной хроникѣ.

Вниманіе свѣдущаго читателя въ особенности будетъ привлечено въ этой книгѣ къ напечатаннымъ въ статьѣ Т. Богдановичъ выдержкамъ изъ бумагъ В. П. Кочубея — извѣстнаго государственнаго дѣятеля времени Александра I и Николая I. Эти бумаги извлечены изъ родового Диканьскаго архива Кочубеевъ. въ настоящее время привезеннаго въ Полтаву и подвергнутаго тамъ разработкѣ.

Т. А. Богдановичъ даетъ обзоръ писемъ и записокъ Виктора